
Животные и война в историческом обзоре

Александр Федорович Котс

Быть может никогда еще в истории культуры и увы! сопутствовавшей ей истории **войны** не наблюдалось того тесного единства деятелей науки и практического боевого опыта, как в дни нашей Великой Отечественной Войны.

Участники этого грозного события, зажегшего весь мир, люди науки и герои ратных подвигов, объединились для спасения родного края и родной культуры.

И, конечно, нет того ученого, который бы не попытался привнести посильный вклад в работу фронта, или боевого тыла.

Правда, что смотря по роду интересов и работ отдельного ученого это участие его в защите Родины будет заметно различаться по содержанию и форме, по объему приносимой пользы.

Повторяю: разные науки, разные профессии ученых скажутся по разному на оборонной их работе, но едва ли есть такая отрасль научных знаний, содержание которой не могло бы быть поставлено на пользу и на службу Родины в переживаемое нами героическое время.

Здесь достаточно лишь перебрать главнейшие разделы в области Естествознания.

Будь я изобретатель-**химик**, мое место было бы сейчас на оборонном Хим-Заводе.

Будь я **физик** в области динамики или электротехники я строил бы теперь пропеллеры или моторы...

Будь я полевой **геолог** — я бы изучал сейчас сокровища земельных недр в целях получения необходимого сырья..

В действительности я — **зоолог**: Изучение **животных** — такова моя профессия, как прирожденного натуралиста.

И легко подумать, что в сравнении с физиками, химиками и геологами, мне, **зоологу**, моей науке о «**животных**» словно нечего сказать и нечем проявить своей любви и преданности Родине, своей готовности откликнуться на зовы фронта, или боевого тыла ...

Так ли это есть на самом деле?

Вместо ответа на вопрос да будет мне позволено Вам предложить три лекции на темы, посвященные моей науке в ответе запросов боевого времени.

Лекция первая: «Животные и война в историческом обзоре»

«Роль животных в практике войны разных народов и в различные эпохи» — так примерно можно было бы определить тематику моей вступительной беседы. Именно на этой теме я надеюсь всего проще увязать мою науку, изучение животных, **Зоологию**, с науками военными, с работниками боевого опыта.

Начнем с необходимой оговорки.

Далеко не всякое животное, имеющее отношение к войне, мы сделаем предметом наших обсуждений: целый ряд живых существ, могущих оказать на ход войны, или, по крайней мере на исход сражения самое бесспорное влияние, мы совершенно выключим из рассмотрения.

Не говоря уже о **Малярийном Комаре**, как разносители болотной лихорадки, мне придется умолчать и о другом более гнусном насекомом, именно о **Вшах**, как — передатчике сыпного тифа, от которого приходится страдать не мало и по преимуществу нашим врагам.

Но и помимо этих шестиногих тварей, далеко не безразличных для исхода войн, имеются другие существа, чье поведение может отразиться если и не на исходе войн, то на ее отдельных эпизодах.

Виде иллюстрации я приведу только один пример.

Касается он, правда, не теперешней войны, а той, которая дала толчок к последующему милитаризму Пруссии, ее войны с австрийцами в 1866 году.

Отступая перед пруссаками, командир венгерской национальной гвардии («гонведов»), в целях дарования отдыха своим частям, остановился на краю большого леса, отделявшего его от неприятеля.

Около полуночи один солдат настойчиво потребовал приема командиром по безотлагательному делу.

Принятый полковником солдат сказал, что «пруссаки готовятся к атаке и находятся на марше!»

— «Быть не может!» заявляет командир, «мои разведчики мне ничего подобного не донесли! Да и откуда у тебя такие сведения о приближении врага?»

— «Пока они еще далеки!» утверждал солдат-лесничий по профессии, привыкший к лесу и знакомый с его жизнью, «но я уверен, что враг движется на нас. Мне говорят об этом стаи птиц, грачей и галок, кем то испуганные и с тревожным криком пролетевшие над лесом!»

Убеденный этим доводом, полковник приказал сигнализировать тревогу и явившиеся часом позже пруссаки нашли австрийцев в полной боевой готовности.

На положении таких невольных но действительных «сигнальщиков» кроме грачей и галок, могут оказаться многие другие птицы.

Здесь достаточно отметить близких к вороновым птицам «Желудевых Соек», ростом с галку, винно-красного оттенка оперения, с более светлым хохолком, черным хвостом и крыльями и голубыми перышками на плечах.

Драчливые и беспокойные, пугливые и зоркие, водящиеся по лесам и перелескам (все чаще дубнякам, или дубравам..), сойки при малейшем признаке тревоги, появлении собаки, или человека, издают свой характерный резкий крик, оповещающий всех остальных пернатых обитателей участка о грозящей всем опасности.

На положении таких же оперенных добровольческих лесных «разведчиков» являются нередко и другие птицы, **дятлы** и **сороки**, а в открытых местностях, по заливным лугам и низменным полям, или болотам птицы из породы куликов.

Из них два вида наиболее заслуживают нашего внимания: **Кроншнеп** — величиною с голубя, бурого цвета, долговязый с длинным, серповидным клювом, славится своей особой чуткостью: увидев человека, птица налетает на него и своим криком испугивает всех пернатых обитателей болота, или поля.

Еще большую настороженность проявляет птица, именуемая **Пигалицей**, или **Чибисом**: короткоклювая и пучеглазая, величиною с галку, длинноногая, ярко раскрашенная в черные, зеленоватые и белые тона, с косичкой удлиненных перышек на голове.

Достаточно малейших признаков опасности, фигуры человека появившегося в поле зрения птицы, и она немедленно срывается с земли, чтобы с протяжным, заунывным и плаксивым криком долго и настойчиво носиться над болотом, испугивая прочих птиц.

Но нелюбимая охотниками, эти оперенные «разведчики» могут при случае быть в высшей степени полезными в военном деле, при разведке, выдавая притаившихся лазутчиков врага.

Об этих «добровольческих» «разведчиках» пернатых и четвероногих, можно было бы Вам рассказать в объеме целой лекции, всецело посвятив ее вопросу о значении некоторых зверей и птиц в военном деле;

показав, как важно наблюдателю-разведчику знать поведение этих животных в обстановке и в условиях военной жизни фронта и прифронтового тыла.

Но, однако, не об этих лишь случайных и эпизодических помощниках в военном деле буду я сегодня говорить, но о животных, состоявших, или пребывающих доселе на «военной службе» человека.

Сходно с тем, как при наборе в войско принимаются не поголовно все попавшиеся на глаза, но только отвечающие требованиям военной службы, так и мы попробуем сейчас окинуть беглым взглядом главных «кандидатов» на военные помощники среди животных, чтобы выделить пригодных и забраковать заведомо неподходящих.

До известной степени такой отбор фактически проделан трехтысячелетним опытом в истории человечества, наглядно показавшей, что пригодных для войны помощников в мире животных вообще не много, а действительно полезных и необходимых для ведения войны — лишь *единицы*.

Ограничившись Млекопитающими, мы начнем с животных, привлечение которых для участия в военном деле может показаться наиболее полезным и желательным.

Мы разумеем самых близких к нам по внешности и умственным способностям животных, — *Обезьян*.

Давно известна легкость дрессировки обезьян, возможность научить их всевозможным актам и приемам человеческого обихода, пользованию орудиями при еде, одеждой, вертикальному хождению, езде на велосипеде.

Хорошо известны и ближайшие причины, облегчающие эту дрессировку обезьян: наличие хватательной руки, цепкой, хватательной стопы, глаз, обращенных наперед, как то имеется у человека, а не в стороны, как у громаднейшего большинства животных, и, конечно, всего прежде умственные способности обезьян, их наблюдательность, смысленность а отчасти переимчивость.

Все вместе взятое, как и особенно проворство, ловкость всех движений обезьян в высокой мере облегчает дрессировку, позволяя приучать их к действиям или маневрам, недоступным всем другим животным.

Здесь достаточно напомнить практикуемое в жарких странах обучение обезьян взлезать на пальмы в целях доставания кокосовых орехов.

Эту трудную, головоломную для нас работу обезьяны выполняют без малейшего труда, как это явствует из фотоснимков, кинолент и описаний разных авторов: быстро взобраться по отвесному стволу гигантской пальмы вплоть до ее кроны, открутить висящие на ней орехи и швырнуть их ожидающим внизу хозяевам — для обезьяны дело нескольких минут и выполняется охотно, отвечая прирожденным склонностям к орехам и природным гимнастическим талантам обезьяны.

Правда, те же авторы упоминают, что повторно вынуждаемые к доставанию орехов, обезьяны, заупрямившись, часто отказываются от работы, прибегая иногда к довольно неприятным «саботажным» действиям, швыряя вниз с вершины пальм на головы людей тяжеловесные орехи.

Но как раз об эту ненадежность психики, эту капризность нрава обезьян, разбились все попытки привлечения их к какой либо практической работе.

В самом деле. Пользуясь акробатическим талантом обезьян, казалось бы полезным приспособить их к работе по снабжению патронами, или гранатами отдельных снайперов, стреляющих с деревьев, подношению им боеприпасов, как это успешно выполняется собаками на ровном месте, при разноске боевых патронов пулеметчикам.

Казалось бы, что в роли разносителей боеприпасов для сидящих на деревьях снайперов природные гимнасты-обезьяны могут быть незаменимы.

И, однако, после сказанного об упрямстве обезьян, мысль об использовании их в деле, требующем особой выдержки, приходится оставить: стоит лишь вообразить, что заупрямившийся разноситель боевых патронов и гранат начнет, швыряться ими, как орехами, чтобы навеки отказаться от таких норовистых помощников.

Итак, при всех своих талантах, как гимнастов-Лазунов и как смышленнейших животных, обезьяны не подходят нам по своему характеру: это «ребята» ненадежные!

Но еще менее надежны и по тем же основаниям и некоторые другие звери, не смотря на обладание ими ряда свойств, которые могли бы пригодиться нам в военной практике.

Достаточно напомнить хищных из обширной группы **кошек** с их глазами, приспособленными к видению в темноте и с их умением двигаться настороженно и неслышно в полное отличие от тяжелой поступи собаки.

Казалось бы, что именно за счет этих ночных животных можно было бы успешно вырастить полезнейших «ночных разведчиков», или по меньшей мере разносителей военных эстафет.

Но, к сожалению, и здесь **физические** дарования и преимущества животных разбивается о непригодность **нрава**.

В полное отличие от собак, с их абсолютной преданностью человеку и способностью всецело подчинять себя его велениям, кошки и доселе сохранили много из своей первоначальной дикости.

Эта последняя делает то, что не смотря на давнее одомашнение, кошка и донныне проявляет в поведении своем известное свободолюбие и своеволие, только условно подчиняясь человеку, обнаруживает часто большую привязанность к своему дому, к данному жилью, чем к своему хозяину.

Эту привязанность к жилью, эти в известном смысле «домоседские» инстинкты кошек можно было бы использовать для доставления эстафет: известно, что при отнесении кошек далеко от дома, кошки умудрились находить обратные путь к своему дому и такую их способность ориентации в пространстве так легко, казалось бы, использовать и для военных целей.

Стоит только прихватить с собой кота и в нужном месте отпустить его со срочным донесением, запрятым в ошейнике, и кот, руководясь своими «домоседскими» инстинктами без промаха доставит эстафету в адрес своего любимого жилья.

На деле же и здесь полезные способности и свойства кошек обесцениваются их ненадежным нравом. И во всяком случае доверить эстафету «мартовским котам» возможно было бы только с большой опаской, без уверенности в успехе.

Эта ненадежность кошек в роли исполнителей военных поручений еще ярче выступает на повадках их более крупных родичей, именно **львов**, о привлечении которых в качестве военилы, сохранилось множество рассказов и легенд.

Известно легендарное сказание об использовании львов при войнах фараонов древнего Египта, правда одновременно с упоминанием того, как брошенные против неприятеля, львы, разъярясь, войдя в азарт, в пылу атаки, стали без разбора нападать и на чужих, и на своих, разя направо, и налево всех, кто попадался им под зуб и когти.

Таким образом, и здесь, два основных достоинства бойца, именно **мужество** и **сила**, подрываются и обесцениваются отсутствием других двух свойств, не менее необходимых: **верности** и **дисциплины**.

Эти древние сказания об использовании львов для боевых, военных целей — суть легенды прошлого.

И как не легендарно это привлечение львов на положении боевых союзников, оно бледнеет перед фантастичностью использования других животных для аналогичных целей.

Так, сравнительно недавно, в годы первой империалистической войны, пытались, правда, только на бумаге, применить для практики войны инстинкты и особенности поведения «морского льва», под которым названием (очень неудачным!) фигурируют в зоосадах и цирках водные животные из группы «сивучей», близких к тюленям, но заметно отличающихся большей легкостью передвижения на суше.

Замечательные плавунки и водолазы, эти сивучи наделены особым чувством равновесия, способностью, которой пользуются цирковые дрессировщики при обучении сивучей жонглировать на голове шарами, перекидывать и схватывать бросаемые им мячи.

Один когда то хорошо известный за пределами Москвы талантливый артист и дрессировщик, именно покойный Влад. Леонидович Дуров, много лет носился с планом приучения сивучей к подводной подрывной работе.

Помощью особых аппаратов, наподобие подводных мин, казалось достижимым приучить «морского льва» нырнув под корпус вражеского корабля, приладить к нему мину в нужном месте, чтобы при посредстве часового механизма привести машину в действие после отплытия четвероногого сапера-водолаза.

Поясненный в свое время чертежами и рисунками этот проект так и остался на бумаге, говорящим больше о живой фантазии его инициатора, чем о практическом осуществимей этого плана, может быть, не столь уже фантастического, если учесть, как сходные же действия, взрывания танков, производятся в эту теперешнюю войну собаками.

Все эти приведенные примеры призваны наглядно пояснить те трудности, с которыми приходится считаться при решении вопроса о пригодности животных для использования их в военных целях.

Еще менее серьезны применения некоторых других, совсем не «боевых» животных у народов древности, когда в искании защиты и орудия отпора, люди обращались к самым неожиданным или отчаянным приемам.

Сохранилось указание — конечно легендарное — как отражая македонцев, жители Мегары бросили на них свиней, обсыпанных горячей сажей, и как сходные же табуны свиней (неопалеинных), брошенные против Ганнибала, вызывали смятение его конницы.

И все же все эти четвероногие участники боев былых эпох являлись в положении только случайных и эпизодических попутчиков.

Не менее оригинально пользовались в древности другим животным, именно **ослом**.

Желая незаметно от врага покинуть лагерь, греческие воины, как говорит легенда прибегали к хитрости: захватывая большинство животных, лошадей, или ослов, с собою, они оставляли в лагере лишь часть ослов, которые пронзительным и неустанным ревом по ушедшим родичам, вводили в заблуждение врагов, будто все войско, именно «хозяева ослов» находится на месте.

Но едва ли нужно говорить, что эти и подобные уловки в лучшем случае могли рассчитывать только на временный успех:

Легко понять, что и паленную свиньей, и воплями ослов возможно было пользоваться только раз-другой, после чего эти обманные приемы, будучи разгаданы врагами потеряли ценность.

Все это — лишь случайные, попутные и несерьезные использования животных, приведенных лишь для полноты нашего очерка.

И не случайные, «внештатные» помощники и доносители типа ворон и галок, соек, дятлов и сорок, кроншнепа или чибиса (к тому же одинаково способных выдать вражеских разведчиков и нашего..), не эти «добровольные» сотрудники, но «штатные» и постоянные помощники в военном деле доставляемые нам животным миром, вот, кто будет нас всецело занимать сегодня.

«Кадровые» постоянные, сотрудники в военном деле из среды животных, вот, на ком мы остановим все наше внимание.

Выражаясь образно: Всех вас я попрошу вообразить себя на положении членов Военской Комиссии, имеющей произвести отбор достойных кандидатов на занятие военных должностей среди животных.

Друг за другом пусть пройдут перед глазами нашими главнейшие из этих кандидатов. Наша же задача будет выяснить достоинства и недостатки каждого из них, чтобы затем уже решить, кого из них, этих звериных кандидатов, можно было бы зачислить в «кадры» и кого лишь в запасные, «вспомогательные» части.

Ограничившись зверями, мы переберем главнейших представителей Млекопитающих, в различной мере претендующих, или могущих, так казалось бы, претендовать на привлечение их к участию в военном деле.

Забегая несколько вперед, отметим тут же, что действительных помощников в мире животных, сочетавших длительно свою судьбу с военной практикой людей и оправдавших себя в ходе боевого опыта лишь считанные единицы.

К этим подлинным помощникам в военном деле должно отнести: **Верблюдов**, правда, проявивших себя больше в роли верховых и упряжных животных, чем прямых участников боев.

Слонов, игравших в древности большую роль, но отыгравших ее очень скоро.

Лошадь, как центрального помощника войны.

В неизмеримо меньшей степени — **Ослов** и **Мулов**,

В еще меньшей степени — **крупный рогатый скот**, и наконец

Собаку, прочно до сих пор связавшую свою судьбу с военным бытом человека.

И, однако, прежде, чем переходить к характеристике военной роли каждого из этих перечисленных существ, необходимо этой вашей основной тематике нашей беседы предпослать несколько общих замечаний, одинаково касающихся всех животных, находящихся в условиях одомашнения.

Начнем с формулировки основного положения: **Одомашнение животных исторически предшествовало войнам.**

И понятно, почему. Война предполагает ту добычу, то имущество, ради которого война ведется. Но «имущество» людское было на заре культуры слишком скудное, чтобы оправдывать ведение войны.

И в самом деле. Человек, в ту отдаленнейшую пору вел войну лишь со стихиями, за добывание пищи. И в борьбе этой он поминутно сталкивался с миром окружающих его животных.

Но животные были вначале только жертвой и добычей человека. Только постепенно часть этих животных стала привлекаться человеком в помощь при его охотах. И значительно позднее, с появлением **собственности**, в виде одомашненных животных (как орудия передвижения и постоянного запаса пищи), а еще позднее, по овладении **людской** добычи, в форме завоеванных людей-рабов, короче с появлением **имущества, добычи** возникают войны между группами людей.

И вот для усиления своего могущества в борьбе с людьми же, человек (успевший еще раньше оценить содействие животных при охоте на животных), начал пользоваться частью одомашненных животных для использования их быстроты, свирепости и силы.

Таким образом, задолго до того, как человек начал вести войну, он одомашнил ряд животных.

Указать определенно, в каком именно порядке шло это одомашнение, можно только для определенных местностей, поскольку вообще процесс одомашнения теряется в дали веков, в далеком прошлом, о котором ничего не говорят самые древние доселе сохранившиеся письма.

Начнем с животного, значение и роль которого в истории войны подверглось наименьшим изменениям: мы разумеем настоящее и прошлое **Верблюда**.

Как неутомимый верховой бегун, или как вьючное животное, верблюд в такой же мере ценится сейчас народами Востока, как и в отдаленной древности и живописные картины караванов этих «кораблей пустыни», медленно, размеренно передвигающихся по пустыни, или быстрым бегом рассекающих песок на фоне грозного самума, ныне, в век аэропланов, телевиденья и радио, буквально те же, что и три-четыре тысячи лет тому назад в эпоху древнего Египта или древней Индии.

Верблюд известен ныне в двух различных формах, именно **дву-горбого** и **одно-горбого**. Из них последний существует лишь в домашнем состоянии.

Родоначальником домашнего верблюда принято считать открытого нашим великим исследователем Центральной Азии, Н.М. **Пржевальским**, дикого верблюда, встреченного им в Китайском Туркестане (возле озера Лоб-Нор), как и в пустыни **Гоби**.

И, однако, принимая во внимание, что в названных местах встречаются развалины старинных городов, свидетели былых культур, давно погибших и засыпанных песком пустыни, очень вероятно, что предполагаемые «дикие» верблюды — лишь потомки одомашненных, вторично одичавших после разрушения жилищ хозяев.

А учитывая, что действительной родиной верблюдов установлена (на основании ископаемых костей) не Азия и не Европа, но Америка (откуда предки современного верблюда перешли на европейско-азиатский материк в доисторическое время по бывшему перешейку с северной Америкой) — вопрос о родине этих животных не имеет актуального значения.

Важнее, интереснее другое, та разборчивость, с которой разные народы относились к этому животному: в то время, как одни издавна высоко его ценили и охотно пользовались им, другие долго и упорно отвергали всякое знакомство с ним, лишь медленно и неохотно обращаясь к его помощи.

Так, например, в Египте, не смотря на то, что о верблюде не могли не знать в этой стране, это животное ни разу не упоминается в эпоху фараонов в продолжении 3000 лет, ни в описаниях, ни в рисунках (иероглифах) и впервые входит в обиход лишь в римскую эпоху.

Также мало пользовались верблюдами и ассирийцы, только изредка изображавшие это животное в своих скульптурах.

Здесь достаточно напомнить два особенно известных барельефа: пару дромадеров, отдыхающих среди других животных в ассирийском лагере и бедуина, удирающего на верблюде от преследующих его ассирийских всадников.

И вообще помимо прирожденных жителей пустынь центральной Азии и Африки, другие нации, или народности лишь медленно перенимали практику, или обычай пользования верблюдом.

И лишь этим полным незнакомством с «кораблем пустыни» многих государств, или народов можно объяснить, что именно верблюдам суждено было два раза обеспечить полную победу двух сражений.

В первый раз, за полтысячелетия до нашей эры в столкновении двух азиатских деспотов: основателя персидского государства **Кира** и царя лидийского, прославленного своим богатством — **Креза**.

Осадив столицу Креза, город Сарды, Кир обязан был своей победой над противником верблюдам. (546 до н.э.)

Свою главную опору Крез усматривал в лидийской коннице, которая считалась лучшей в мире. Но в решительный момент Кир бросил на нее свои верблюжьи эскадроны.

Никогда дотоле не выдавшие верблюдов и обеспокоенные необычным запахом этих животных, лошади лидийской конницы пришли в смятение. Конница Лидии была рассеяна верблюдами персидского царя и этим предрешился результат сражения, а вместе с ним судьба всей Лидии и участь Креза, потерявшего свою свободу и престол.

Еще фатальнее сложилась роль верблюдов много позже при другом сражении, имевшем еще более трагический исход для побежденных.

Почти две тысячи лет спустя после победы Кира над лидийским царством, турки под водительством султана своего **Мурада** 1-го, успели захватить большую часть тогдашней Малой Азии и двинулись на Запад.

На пути своем они столкнулись всего прежде с Грецией и со славянскими народами Балканских стран: болгарами и сербами.

В 1389 году на Коссовом поле (на границе Сербии и Боснии) произошло сражение, определившее на целые четыре века судьбы западных славян; против объединенного их войска турки двинули свои испытанные полчища.

Победа начала клониться в сторону славян, когда «османы», (турки) бросили против славян конвой, сидевший на верблюдах.

Появление неизвестных для славян животных вызвало смятение среди славянской конницы и в результате полную победу турок.

В меньшей степени наличие верблюдов отразилось на успехах мавров при завоевании Испании и в частности в сражении под **Гренадой**, когда мавры двинули против испанцев целые колонны, или стены из 15 рядов верблюдов.

Вообще же, как типичные пустынные животные, верблюды были и остались всего прежде достоянием обитателей пустынь, арабов, а позднее мавров.

Опуская пользование верблюдами у некоторых других народов Древнего Востока (древних индусов, Евреев, Финикиян) можно указать, что хотя римляне и пользовались в своих походах в Африке и в Азии верблюдами, но опирались в этих случаях на местных всадников, более опытных при обращении с этими животными.

Одним из недостатков пользования верблюдами являлась высота этих животных, требовавшая особо длинных копий, каковые и пришлось ввести позднее римлянами (Сципионом африканским в битве при Магнезии против царя Антиоха в 190 г. до н.э.)

Переходя к новейшим временам, можно отметить три страницы из истории войны, касающиеся использования верблюдов и могущие представить интерес.

Это — во-первых, формирование особого «верблюжьего» полка пехоты по приказу Бонапарта при его известной экспедиции в Египет (1899).

Предназначенная для борьбы против воинственных арабов-бедуинов, эта воинская часть охватывала до семи сот бойцов, по два на каждого верблюда с продовольствием на 5-6 дней.

Придя в соприкосновение с неприятелем солдаты спешили на положение пехотинцев.

Сходным образом, т.е. скорее для передвижения, чем для участия в самом сражении, были использованы верблюды в свое время в Средней Азии былыми царскими войсками. Но и здесь решающей военной роли названные животные не играли.

Регулярнее и планомернее использовались верблюды в зарубежных колониальных странах, в Африке и в Индии, но исключительно как перевозочные средства для всех трех родов оружия:

Для пехотинцев, таким образом, что два бойца приходится на каждого верблюда, для использования «под верх», когда по одному животному приходится для каждого из всадников, и, наконец, для перевозки артиллерии легкого типа, то путем запряжки, то путем навьючивания на горбе животного.

Не трудно видеть, что за вычетом немногих случаев, когда верблюды самым своим видом повлияли на исход сражений, роль этих животных, с точки зрения военной практики, по преимуществу **пассивная**, сводясь к использованию как выючных, верховых и упряжных животных.

Переходим к рассмотрению другого зверя, более внушительного, но значение которого в истории войны, хотя и крайне необычное, но более ограниченное по месту и по времени.

Мы разумеем роль **Слонов** в военном деле.

Существующий сейчас в двух формах — Африканского и Азиатского (Индийского) **Слон** — африканского происхождения, ведя начало от слонообразных предков, странных ископаемых существ, кости которых были найдены в начале этого столетия в Египте.

Но не в этом дело. Нас интересует здесь не эволюция Слонов, а их использование на войне.

Легко понять причины, побудившие когда-то человека именно к такому их употреблению.

Сама внушительность этих животных, их громадный рост, массивность тела, мощь бивней, грузная поступь — все это вызывая столь естественную оторопь и боязливость людям при их первой встрече с этими

четвероногими гигантами, должно было невольно навести на мысль об использовании слонов на поле битвы. А понятливость слонов, сравнительная легкость приручения и обладание хоботом, как органом хватания, успешно заменяющим им руку, облегчали дрессировку этого животного и приучение его к различным действиям, заведомо и совершенно недоступным для других животных, не имеющих хватательного органа.

При том обилии слонов, которые водились раньше в Африке, и даже в северных частях ее (в местах, где ныне слон давно уже не водится за его массовым истреблением..) не легко понять, зачем из двух различных видов этого животного сначала приручен был Азиатский и значительно позднее Африканский: при больших способностях древних египтян в деле приручения животных, поражает позднее одомашнение африканского слона, пренебрежение к нему в эпоху фараонов.

На своей исконной родине, именно в Индии, слон азиатский с незапамятных времен употреблялся для военных целей и отсюда пользование слонами для боев распространилось через страны ближнего Востока и на Запад.

В первый раз народы Запада, именно Греции, столкнулись со слонами на полях сражения при Александре Македонском, при его походах против Персов и последующим походе в Индию.

Минуя ряд боев, в которых персы, говоря точнее, их индийские союзники, впервые выставили боевых слонов, мы остановимся на наиболее известном и решающем сражении: на битве македонцев при реке Гидасписе с индийским царем Пором, выставившим против греков **двести** боевых слонов.

Их надвигающиеся громады, грозный рев и необычный запах вызвали вначале некоторое смятение македонской конницы.

Но не надолго. Очень скоро греки научились обезвреживать своего нового и непривычного врага, косообразными ножами, или топорами подрезая сухожилия ног и хоботы гигантов.

Полная победа Александра в этой битве дала в руки победителя помимо прочего и множество слонов, которые с тех пор, (а именно индийские слоны) вошли в военный обиход воюющих народов ближнего Востока, как в борьбе между собой, так в особенности в войнах против Рима.

На одном из этих столкновений нам необходимо здесь остановиться, именно на замечательном походе даря **Пирра**, тарентийского наемника, властителя Эпира (в сев. Греции) в Италию.

В ту пору, именно в начале третьего столетия до нашей эры, Рим, лишь незадолго перед тем успешно покоривший среднюю Италию, готовился к борьбе с Тарентом, греческим богатым городом Южной Италии.

Готовясь в свою очередь к борьбе с могучим Римом, тарентийцы, ведшие, как мореплаватели, оживленную торговлю с Грецией и странами Востока, пригласили в качестве союзника, или наемника, царя Эпира, **Пирра**, бывшего и сам не прочь расширить свою власть за счет Италии.

И вот, без малого за 300 лет до нашей эры, Пирр, двинулся на кораблях в Италию, имея несколько десятков тысяч пехотинцев, 3000 всадников и 20 боевых слонов.

В битве при Геракле (280 до н.э.) произошло решительное столкновение с римлянами.

Впервые македонская фаланга встретила с отвагой и дисциплинированностью римских легионов. Римская конница обрушилась на македонскую. Семь раз атаковали легионы римлян воинов Эпира и последние уже заметно стали колебаться. Но в последнюю минуту Пирр бросает неожиданно на встречу римским легионам боевых слонов, которые и предрешили результат сражения.

Громадные диковинные звери, неизвестные дотопе римлянам и лошадям их, вызвали смятение обоих.

Поле битвы осталось за эфирцами, хотя и дорогой ценой, побудившей самого Пирра бросить знаменитые слова, позднее ставшие на положение нарицательных: «Еще одна такая победа и у меня не станет войска!». Эта «Пиррова победа», правда, не была еще последней.

Годом позже и при **Эскулуме** Пирр вторично одержал победу и разбил римское войско, но не с тем успехом, как при Геракле: за истекший год римские воины успели научиться отражать слонов, бросая против них то зажигательные стрелы, то снабженные косообразными ножами боевые колесницы.

Слоны Пирра были Азиатские, Индийские. Наоборот, в войнах пунических, которые свыше ста лет велись между двумя тогдашними соперниками мира (264-146 до н.э.), римляне и Карфагеняне, в войсках последних, т.е. финикийн применялись только африканские слоны.

Минуя роль этих животных в первую пуническую войну и в частности при поражении консула **Регулуса** в Африке, мы ограничимся лишь наиболее известным эпизодом, относящимся ко второй из этих войн и связанным со знаменитым переходом полководца Карфагенян, **Ганнибала**, через Альпы.

Затрудняясь двинуться в Италию морским путем, т.е. при помощи десанта с моря, **Ганнибал** решил ударить с севера, со стороны, заведомо неожиданной для Рима, перейдя в Италию дорогой через Альпы.

С этой целью были заготовлены в Испании отборные войска, пехота, конница и 60 слонов, которые затем и двинулись на север, вверх по течению Роны, чтобы пересекши Альпы, неожиданно обрушиться на Римлян с севера.

Это отчаянное предприятие едва не кончилось для Ганнибала катастрофой из-за трудности пути, особенно в зимнюю пору, на которую пришелся переход. На узких, скользких после свежевывающего снега горных тропах люди и животные скользили и срывались в пропасти...

И все же, потеряв до половины пехотинцев, четверть конницы и большинство слонов за время двух недель движения по Альпам, Ганнибал спускается в долину По, к смятению римского сената и его военачальников, считавших, что затея сумасбродного пунийца станет гибелью ему и его войску.

Не имея никакой возможности, да и нужды проследивать дальнейшую историю этой войны, напомним только, что при Требии, при первом столкновении римлян и пунийцев, войско Ганнибала одержало полную победу, при участии оставшихся в его распоряжении боевых слонов. (218 до н.э.)

Но тем интереснее отметить, что в последующих битвах (как в особенности при решающем сражении при Метауресе) слоны не только не содействовали успеху финикийн, но внося смятение в их собственных рядах, ускорили победу римлян.

Будь у нас большее время, можно было бы остановиться на других примерах актуального использования боевых слонов в античном мире, рассказав о том, как в битвах Антиоха с Птоломеем-Филопатором, оспаривавших друг у друга распадавшееся великое наследие Александра, африканские слоны последнего столкнулись с азиатскими, которые принадлежали первому; как при одном из столкновений того же Антиоха (царя Сирии) с Галатами шестнадцать боевых слонов сирийцев полностью решили битву в пользу их властителя, как брошенные против них снабженные ножами колесницы, вследствие смятения коней, содействовали истреблению собственного войска.

Но и сказанного до сих пор достаточно для пояснения того, насколько широко и эффективно пользовались в древности слонами для военных целей, и при том на положении и в роли подлинных бойцов: при нападении на врагов и при преследовании их, слоны жестоко пользовались и хоботом, хватая им людей и взбрасывая их на воздух, и своими бивнями, и мощными ногами, топоча бегущих.

В целях большего устрашения врага слонам раскрашивали хоботы, насаживали на бивни металлические острия, нередко облекали броней, а перед атакой спаивали возбуждающими веществами: уксусом, вином, и перцевым настоем..

Помещавшиеся на слоновьих спинах «боевые башни» покрывались свежесодранными шкурами животных (против «зажигалок»).

В этих башнях помещалось до пяти копейщиков, стрелков из лука, или пращеносцев.

Изобретение огнестрельного оружия лишь завершило окончательно конец использования слонов в военных целях: в роли боевых активных единиц слоны давно покинули арену боя из-за недостатков им присущих.

Всего прежде: сила и выносливость слонов не соответствует их росту и внушительному виду: они скоро «выдыхаются» и хотя бег слона не уступает лошадиному, но только на коротком расстоянии.

Другая отрицательная сторона слонов — их легкая пугливость. При испуге они склонны, подражая своим родичам, бросаться на свои ряды. К тому же в древности, по-видимому не умели приучать слонов к своей же коннице, к единовременной работе с нею.

Вместе взятые причины эти объясняют то, что боевая роль слонов длилась не более 300 лет и все позднейшие попытки некоторых народов, в частности и Рима эпохи императоров, успеха не имели.

Этой пугливостью слонов повторно пользовались в древности народы или города, которым приходилось отбиваться от атак этих гигантов.

Наиболее действительным приемом оказалось, как уже было сказано, немного выше, пользование зажигательными стрелами, которые, направленные на слонов, производили среди них желательную панику.

Как бы то ни было, но призванные в свое время заменить собою «боевые колесницы», прослужив в этой их роли свыше 300 лет, слоны, как боевые единицы, постепенно потеряли свою ценность и при том не без участия тех самых колесниц, которых заменить они когда то были призваны: Как уже было сказано, в ряде сражений, кончившихся поражением слонов, этим последним победители были обязаны отчасти пользованию боевыми колесницами (При Гавгамеле, 331 до н.э., при Эскулуме).

На очереди рассмотрение третьего по «боевым заслугам» «штатного» сотрудника на поле брани и единственного хищного животного, прочно связавшего свою судьбу с судьбою человека.

Первое по времени одомашнения это животное, наша **Собака**, при многообразии использования, как пастушеской и собственно-сторожевой, охотничьей и боевой, или военной, затрудняет выделение этой последней роли из числа других.

В прямом значении, как участницы в боях, собаки применялись очень рано в древности, по преимуществу в форме больших свирепых **Догов**, или близких им пород.

До нас дошли скульптурные и барельефные изображения собак такого типа с ассирийских памятников, в более легком стиле закрепленные резцом и кистью Рима, Греции и Египта.

Часть этих рисунков и скульптур отлично согласуется с дошедшими до нас рассказами о боевых собаках того времени.

Так, в описаниях двух известнейших историков античной древности, у Геродота и Плутарха, есть упоминания о громадных псах, которыми персидские цари повторно пользовались при походах на Египет, и что греческие полководцы (как Агиселай при Мантинее) тоже применяли их во время приступов на города.

По-видимому чаще, чем при нападениях, собакой пользовались для защиты городов и крепостей.

Так по рассказам, правда полулегендарным у Плутарха, одна крепость близ **Коринфа** охраняема была 50-ью собаками. При нападении врагов на крепость, охранители которой были пьяны, лишь одни собаки своим лаем дали знать о неприятеле и более того, пытались задержать его. 49 собак было убито неприятелем, только одна оставшаяся, раненная, добежала до Коринфа, разбудила спящих жителей.

Есть указания на то, что **Александр Македонский** после нам уже известной битвы при Гидасписе принял в подарок от индийского царя (**Пора**) несколько громадных псов местной породы, отличавшихся огромным ростом и большим свирепостью. Эти собаки применялись специально для натравливания на людей.

Учитывая, что сейчас породистые крупные собаки в Индии имеют склонность вырождаться и что существуют рослые лохматые собаки под названием «Тибетских», очень вероятно, что громадные собаки, о которых говорят античные историки, были тибетского происхождения.

Отчасти с этим согласуются и барельефные изображения больших сторожевых, охотничьих и боевых собак Ассирии и Греции. И там, и здесь — тяжелый склад и мощные размеры приближаются к сложению и росту именно «тибетских догов».

Около начала нашей эры римляне, которые вначале также пользовались на войне собаками, оставили их применение для военных целей, не смотря на то, что у противников, особенно у **галлов** и у **кимвров**, круп-

ные собаки типа меделянок, или догов еще долго находили самое жестокое употребление: для приканчивания раненых на поле битвы.

Защищенные особыми кирассами, кольчугами и латами, снабженные колючими ошейниками, эти рослые, свирепые собаки устремлялись и на лошадей, бросались им навстречу, вызывая панику в рядах и лошадей, и всадников.

Несколько позже **Гуны**, дикое и кочевое племя средней Азии, под предводительством **Аггилы**, ринувшееся на Европу и опустошившее громадные ее пространства, также пользовалось громадными собаками, как для оберегания своих обозов, так и для натравливания на врагов и для преследования их при отступлении.

Минуя ряд сомнительных приемов пользования собаками, как разносителями зажигательных веществ, бросаемых на неприятеля, приемов, закрепленных примитивными рисунками, коснемся некоторых других примеров применения собак в военном деле, или претендующем на таковое.

Описанием одного из этих случаев не отличается правдоподобием. Касается оно известного сражения при **Муртене** (или «**Моро**» в обозначении французов) 22 Июня 1476 г. между войсками бургундцев (Карлом Смелым) и объединенными швейцарцами.

В этом сражении, принеся полную победу над французскими войсками и содействовавшему полному объединению Швейцарцев, столкновению обеих армий будто бы предшествовало таковое их собак, сопровождавших армии противников: французских догов и швейцарских псов типа молосских боевых собак.

В этой предшествовавшей самому сражению собачьей схватке — говорится далее в описании — швейцарские собаки одержали верх и обратили в бегство псов бургундской армии.

Такой успех четвероногих боевых соратников — так говорится далее в рассказе — послужил швейцарцам предзнаменованием победы, еще более усилил их уверенность в последней и содействовал разгрому войска Карла Смелого.

Довольно фантастический по существу этот рассказ по-видимому подтверждает лишь одно, а именно, наличие в войсках рассматриваемой эпохи, и при том в условиях войны, собак, державшихся на положении, если и не «боевых», то «полковых» животных.

К сожалению, менее бесспорна, больше установлена в истории другая, несравненно более кровавая ее страница, именно фактическое пользование собаками испанцами при их завоеваниях в Южной Америке.

Известно, как в этих грабительских и гнусных войнах жадность и безжалостность завоевателей преступно прикрывалось мнимым благочестием; как под предлогом «обращения в христианство» тысячи туземцев, Инков и Ацтеков, подвергались истреблению, именем «святейшего отца», римского папы, и как методы насильственного насаждения «христианства», помощью железа и огня, дополнились собачьей травлей, как объединенные в руках преступников — ханжей и лицемеров «Крест» и «Меч» нашли себе четвероногого союзника в лице... собаки.

Но оставим эти мрачные, кровавые страницы прошлого, с тем большим правом, что сводившиеся к травле беззащитных, помышлявших только о спасении туземцев, эти их преследования помощью собак не подвидимы под понятие «войны».

Переведем наш взгляд на времена и нравы, нам более близкие и, вопреки жестоким показателям обратного, в общем, в свете совести передового человека, все же более гуманные.

Известно, что, чем позже, тем значение и роль собак все более сводиться стала к службе при обозах, для оберегания военного имущества, или для извещения о приближении врагов: еще в исходе позапрошлого столетия в войсках кроатов, именно в последних целях содержали при войсках особых «полковых» сторожевых собак.

Напротив, как орудия «боев» собаки не могли не потерять свое значение по мере удлинения «дистанций» боя, не в пример античной древности, или эпохи рыцарства, когда бои велись обычно только в рукопашную.

И в той же степени, как поражение врага производиться стало с расстояния — роль собак, как боевых военных единиц должна была снижаться...

На известный промежуток времени собака, как военная и боевая сила, исчезает, чтобы около начала настоящего столетия вновь появиться на полях сражения и боевого тыла, но уже в другой, отчасти прямо противоположной форме своего служения: не для приканчивания раненых на поле битвы, но для нахождения и доставки их на перевязочные пункты.

Параллельно с этой функцией собаки, как четвероногих спутников-помощников военных санитаров, хорошо известны и другие: по разноске боевых патронов на полях сражения, доставке донесений, по разыскиванию мин и по обслуживанию военных наблюдателей-разведчиков и снайперов, в охоте за «кукушками», за притаившимися на деревьях вражьиими стрелками.

И, однако, прежде чем коснуться этой многогранной роли нашего «барбоса» в дни войны — два слова о его происхождении.

Над ним не мало бились величайшие натуралисты, прежде чем «напасть на след собаки» и решиться вывести ее из самого непримиримого ее врага — «серого волка» (как и близко родственных Шакалов).

До последнего момента основную трудность представляли данные окраски.

Не в пример тому, что наблюдается у прочих одомашненных животных, дикие родоначальники которых сохраняют наиболее типичные особенности масти одомашненных своих потомков, отыскать такую же черту (а именно, характерные палевые лапы и такие же отметины на голове при черной вообще окраске, столь обычной, у собак..) впервые удалось лишь **Дарвиновскому Музею** опираясь на его обширные коллекции.

Но этим только подтвердилось давнее суждение зоологов о подлинном родстве, о кровной связи **Волка и Собаки**.

И тем любопытнее, что многие виды использования собаки в военных целях лишь созвучны их природным склонностям, или инстинктам, правда, далеко неодинаковых у разных рас, или пород, в зависимости от употребления их в условиях мирной жизни.

Так, столь характерное для наших «промысловых» лаек «анонсирование» добычи, т.е. их манера приводить охотника до места найденного зверя, хорошо использовано для военно-санитарных целей: анонсирования собакой ею найденных на поле брани раненных, доставки срочных донесений, эстафет.

Неутомимость «ездовых собак» нашего Севера — использована для запряжки в нарты и тележки для доставки к линии огня боеприпасов, пулеметов, и для перевозки раненных на перевязочные пункты.

Хорошо известное умение промысловых лаек подмечать добычу, притаившуюся на деревьях (белку и куницу..) заменилось в дни войны выслеживанием «кукушек» — вражеских стрелков, засевших на деревьях.

Менее известная способность «трюфельных» собак отыскивать растущие под почвой «трюфели» (грибы) — нашла активнейшее применение в военном деле при отыскивании собаками подземных **мин**, миллионы каковых были отысканы и обезврежены по нахождении их собаками.

Но все эти природные способности и навыки собаки удалось переключить на службу для военных целей лишь благодаря психической черте, присущей ей и без которой все ее физические данные: неутомимость ног, и острый глаз, и тонкий слух, и чуткий нос остались бы для нас без пользы, без практического применения..

Эта черта — единственная в своем роде **верность, преданность** собаки — человеку.

А в итоге — трогательные картины их взаимной дружбы и взаимопомощи во дни Великой Отечественной Войны.

Да будет мне позволено это наглядно пояснить немногими примерами. Начну с цитат, быть может, Вам уже известных.

Перед нами несколько газетных вырезок, помеченных «**Март — 42-го года**», «**Красная Звезда**» и «**Правда**».

Что ни строчка, что ни заголовок — все насыщено, овеяно суровым пафосом войны и боевого героизма.

Опуская заголовки и названия статей, бросаем взгляд на пару фотоснимков, представляющих две сцены боевого фронта.

Вот — упряжка ездовых собак, везущих пулемет, вот — перевозка раненных на ездовых собаках, запряженных в нарты.

Старые, давние вырезки (ибо сейчас года воспринимаются «веками»), не стареющие по тематике.

Имея на руках эти потертые и потускневшие два фотоснимка, хочется как можно ярче выявить их героическое содержание, не дать ему изгладиться из нашей памяти, продлить волнующее их очарование..

И, глядя на картины маслом, смелыми и сочными мазками закрепившие означенные два сюжета, хочется, чтобы картины эти красовались в каждой школе, всюду, где толпится наша молодежь.

И в самом деле. Вдумаемся глубже и полнее в содержание этих картин.

Эта четверка лаек, так бравурно мчащая доверенный ей пулемет.. Не для того ли, чтобы сами мы сейчас спокойно и уверенно могли беседовать здесь в этом зале?

И другая, сходная «квадрига» ездовых собак, так осмотрительно и бережно влекущая свой драгоценный груз: сраженного, израненного бойца...

Что бы сказали Вы, узнавши в этом раненном Вашего мужа, брата, или сына?

Доведись Вам увидеть четвероногого спасителя Вашего близкого, не поступили бы Вы так же, как упоминаемый у Эренбурга молодой боец, который, встретившись с такой военно- санитарной боевой собакой и отдавши ей последний свой кусок, задумчиво сказал: — «Как будто она.. А может не она.. похожа! Вот такая меня спасла около Ржева!»

Есть только одно, что можно сопоставить с этими картинами из жизни наших боевых собак: это прелестная статья того же **Эренбурга** под заглавием «Каштанка», посвященная героике собаки в дни войны, на фронте пороха и крови.

Что ни строчка в этом фельетоне — то сюжет, достойный величайшего художника: тут и собаки, устремляющиеся на вражеские танки и взрывающие их ценою жизни; и спасающие тысячами раненных, и доставляющие под огнем боеприпасы, донесения и медикаменты и, наконец, отслеживающие фашистских «снайперов», засевших на деревьях..

Озаглавленная именем одной из героинь рассказа (раненная в голову собака, рыжая Эрдель «Каштанка» в продолжении двух недель поддерживала связь на линии огня, пока не пала от снаряда..), эта повесть послужила **Дарвиновскому Музею** базой для создания уникальной серией картин, писанных лучшим мастером-художником-анималистом нашего Союза, **А.Н. Комаровым** и имеющих увековечить беспримерную героику древнейшего четвероногого помощника и друга человека в дни нашей великой обороны.

И в сравнении с этой исторической военной миссией **Собаки** есть только одна, могущая в мире животных быть отчасти с нею сопоставленной, это — работа **Лошади**.

Но осененная тысячелетиями боевого опыта эта военная история коня, как наиболее известного и давнего соратника людей на поле брани, так стара, так многогранно отражала на себе историю всей человеческой культуры, все ее великие блага и злодеяния, что рассмотрению военной роли боевых коней мы посвятим особую беседу.

Заключение

Подводя итог всему, что было сказано о роли и значении животных разных стран в истории войны, мы можем сформулировать его в трех следующих выводах.

I. **Крайняя неравноценность перечисленных животных, как орудий боя**, только временная для **Верблюдов** и **Слонов** и все возрастающая для **Собаки**.

II. Замечательная смена разных форм использования животных

Разными народами и в разные эпохи.

Здесь достаточно напомнить замечательную историческую смену трех различных типов нападения и обороны.

Вспомним, как «полуживые танки» древнего Востока, «боевые Колесницы» заменялись постепенно подлинно «живыми танками» в форме **Верблюдов** и **Слонов**, и как удар последним снова нанесен был боевыми колесницами, но уже в несколько ином техническом их оснащении.

Но столь же поучительна история использования **Собаки**.

Из душителя и палача, приученного **Гуннами** к приканчиванию раненных на поле битвы, а испанцами к растерзыванию Индейцев Мексики, *Собака* на глазах у нас становится спасителем и другом раненных, помощником военных санитаров при отыскивании раненных бойцов и доставления им продовольствия и медикаментов.

Или, еще разительнее: От античных боевых собак, бросавшихся на конницу врага, для вызывания смятения, через временное устранение собаки, как орудия боев, по мере «удлинения боевых дистанций» и до привлечения собак к взрыванию танков в нынешней войне. Наконец, последний третий вывод:

III. Роль психического элемента, при использовании «боевых животных», ставка на **испуг**, на **устрашение врага**.

На нем, на устрашении, было основано использование боевых слонов и боевых верблюдов, дважды предрешивших результат сражения и погубивших целые два царства.

И, однако, нет таких угроз, которые не встретили бы раньше, или позже соответствующих контрмер, которые не покорились бы спасительной ...привычке.

Отыскались средства обезвреживания боевых слонов и вид, и рев верблюдов, погубивших некогда индейцев и объединенные войска южных славян, не помешали ни изгнанию мавров из Испании, ни поражению османов под стенами Вены.

Более того. Как ни значительна бывает боевая роль животных вообще, а в частности и в дни нашей Великой Отечественной Войны, они являются лишь частью общего технического оснащения нашей Армии и лишь одним условием ее успехов.

И действительно, как ни громадна роль этого внешнего технического оснащения армий и умение пользоваться им, но основным решающим условием победы было, есть и будет **мужество бойцов** и **мудрость их руководителей**, и всего прежде, всего больше — **сознание истинности, правоты идеи, вдохновляющей к борьбе**.

Но никогда еще эта решающая роль **идеи**, как условия победы битвы и войны, не выступала так наглядно, ярко и так убедительно, как в наше грозно-героическое время.

Не она ли двинув на защиту Родины миллионы ее преданных сынов и дочерей, включила в наши боевые силы также мир животных и при том в размере и с успехом, неизвестным в предыдущих войнах.

И когда наступит день разгрома верных сил, грозивших нашей **Родине**, когда наступит день победы над врагом моральной истины и социальной правды-победители-народа не забудут соучастия в этой победе и четвероногих спутников нашей культуры.